

СЕРГЕЙ МАГОМЕТ

СВОБОДНА!

ЗАПИСКИ СТЕПНОЙ ВОЛЧИЦЫ

Сергей Магомет

**СВОБОДНА! Записки
Степной Волчицы**

«Издательские решения»

Магомет С.

СВОБОДНА! Записки Степной Волчицы / С. Магомет —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-744749-6

Александра — брошенная жена. На грани самоубийства встречает «учителя жизни». Сурового, нежного. Жигало и верного друга. Вместе с ним входит в новую странную жизнь. Там всё другое: другая философия бытия, дружбы, любви... Там счастье, надежда, рай. Свободна!

ISBN 978-5-44-744749-6

© Магомет С.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Предисловие издательницы	7
Записки Александры Степановой	18
1	18
Конец ознакомительного фрагмента.	34

СВОБОДНА! **Записки Степной Волчицы**

Сергей Магомет
С.К.

© Сергей Магомет, 2020

ISBN 978-5-4474-4749-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

В каких бы искренних объяснениях я не рассыпался, это вряд ли прояснит истинное происхождение книги. Только еще больше всё запутает. Признаюсь, сначала я хотел предложить эту повесть читателю под женским псевдонимом. Листая свежее испеченное произведение, я просто не представлял, как им распорядиться. Страшный возраст, странная история. Мужское имя, предваряющее подобную историю, даже с формальной точки зрения, никак не вязалось с ее содержанием. А может быть, Бог с ними, с объяснениями? Уж лучше сразу передать слово женщинам.

Предисловие издательницы

Передо мной записки особы, которую я назвала «Степной волчицей». Прозвище, которое она сама себе присвоила и охотно им пользовалась. Тому, кто знаком с предметом, ни к чему пространные объяснения. Однако не могу не прибавить к листкам Степной Волчицы кое-какие собственные наблюдения.

Это была сорокавосемилетняя женщина. На первый взгляд ни то, ни се. Смесь бутика с секондхендом. В зависимости от культурной эпохи или угла зрения – то ли одержимая тайными любовными страстями пряная бальзаковская мадам, то ли сморщенное яблочко, почти старушка, с давно усохшей сексуальностью, не знающая других радостей, как нянчить внуков да варить варенье.

Несколько месяцев назад по рекомендации каких-то знакомых она явилась к моей тетке, скучающей и жалующейся на дороговизну вдове, которая безвылазно сидела на своей пустой даче и охотно сдала светелку в мезонине, надеялась приобрести в лице постоялицы кумушку-компаньонку. При себе у постоялицы был небольшой чемодан с бельем, потертый, явно бэушный ноутбук. Зажила она тихо, как монашенка, и, если бы не интеллигентная въедливость и словоохотливая простота моей тетки, а также мое естественное любопытство, мы бы, пожалуй, вообще с ней толком не познакомились. Не то чтобы ее отличала хмурая необщительность. Тут, скорее, самовнушение. Она почитала себя существом из иного мира – той самой, пресловутой Степной Волчицей, чужой, дикой, по природе робко-пугливой, но одновременно импульсивно-безрассудной.

По роду занятий она была литературной переводчицей, то есть добывала хлеб всевозможной изнурительной поденщиной, но по потаенному задушевному стремлению – поэтессой. Последнее она нам выложила напрямик; причем, с таким видом, как будто, с одной стороны, считала это бог весть каким пороком, уродством, следствием тяжелого комплекса неполноценности, а, с другой – словно готовая броситься грудью на амбразуру, если придется защищать горные выси поэтических святынь. Но мы с теткой ничуть не возражали. Для нас это не было такой уж диковиной. Цветаева так Цветаева. Ибнер так Ибнер. Так уж мы были воспитаны: каждый интеллигентный человек обязан уметь писать стихи. Между тем, лишь из ее записок я узнала насколько серьезно, без тени самоиронии, не говоря уж об иронии по отношению к литературе, была устроена ее внутренняя жизнь. О достоинствах ее стихов судить не берусь, но она действительно была членом каких-то творческих союзов, имела некоторое количество публикаций.

Забегая вперед, скажу, что первое, более чем серенькое впечатление от ее личности получило странное и неожиданное развитие, а вся ее история, восстановленная из ее странных записок (как я ее теперь воспринимаю), представляется мне не такой уж замкнутой и нетипичной или имеющей исключительно специальный интерес. Наоборот, она все больше напоминает случай с глупым прыщиком или сыпью, которые на первый взгляд не стоят внимания, а на самом деле ни что иное, как самая злоедающая симптоматика. Подобные симптомы, даже если заметишь их у совершенно незнакомой и чужой женщины, к тому же чем-то несимпатичной, невольно внушают какую-то оторопь, содрогание, нагоняют такую тоску, что и впрямь хоть волком вой. То же самое с этой Степной Волчицей. Только гораздо сложнее.

Положа руку на сердце, я чувствую, что, кроме недоумения, граничащего с раздражением, возмущением, даже отвращением, что подобная особа принадлежит к нашему женскому племени, не могу отказать ей в исключительной порядочности. Более того, с формальной точки зрения она безусловно кладезь многих общечеловеческих добродетелей, которые, по идее, есть ни что иное, как «джентльменский набор» идеальной жены. Кроткая, верная, покладистая, самоотверженная, способная боготворить супруга, сделать его центром вселенной, – качества,

которые не только не были оценены по достоинству, не сберегли ее семьи и счастья, но, по-видимому, даже сыграли в ее судьбе роковую роль.

Так уж вышло, что мне случилось навестить тетку как раз в тот день, когда Степная Волчица отворила калитку и, озираясь, словно затравленно, двинулась по тропинке между роскошными теткинскими настурциями и георгинами. Затем робко остановилась перед открытой верандой, пока тетка, поднявшись навстречу, не спросила, что ей нужно.

На столе красовался специально испеченный к моему приезду и как бы в пику всем моим диетическим потугам громадный пышный торт, от которого мы уже успели беспечно отъесть по нескольку кусков.

– О-о, – произнесла женщина, глядя на торт. Не то с выражением тяжкого страдания, не то с завистью, – сколько любви и терпения нужно вложить в подобное произведение искусства! Теперь торты всё больше покупные... – А может быть, и с затаенным презрением к тем, кто может позволить себе угрохать бездну времени на такую прозаическую безделицу, как какой-то торт.

Моя добрая тетка тут же расплылась в улыбке. Мне же этот комплимент показался напыщенно-неловким, если не лицемерным, а сама женщина вызвала укол неприязни, – начиная с бодренько осветленных, рыжеватеньких, но уже весьма седыми корнями, волос, до стоптаных босоножек с большими пальцами выглядывающими, словно кукиши, и ногтями не ведавшим, что такое педикюр.

Нервно, хотя явно с намерением изобразить максимальную доброжелательность, женщина улыбнулась сначала мне, потом тетке, и что называется довольно официально отрекомендовалась, при этом как-то по-мужски пожав нам обеим руки.

– Александра Степанова...

Узнав о цели ее визита, тетка распростерла объятия и пригласила гостью за стол. Александра Степанова испуганно всплеснула руками (ах, бедная моя фигура!), но после нескольких жеманных реверансов быстро сдалась на милость моей тетки, которая принялась подкладывать ей в тарелку кусок за куском. Судя по всему, «бедная фигура» была забыта. Да и то сказать, к лучшему: при нездоровой одутловатости физиономии, блузка на Александре Степановой висела, как на вешалке, словно после затяжной голодовки. Пару сотен калорий ей никак не могли помешать.

Покончив с тортом, гостя церемонно испросила позволения осмотреть предоставляемое ей помещение. Все втроем мы полезли в спальню в мезонине.

Молитвенно сложив пухлые плебейские руки и бог знает почему расчувствовавшись, Александра Степанова долго смотрела на засушенные китайские фонарики в украшенном финифтью и восточной вязью медном кувшинчике, стоявшем на полочке с зеркалом. Казалось, ей очень хотелось расплакаться, но по какой-то физиологической причине (может быть, утомленные перегрузками работы за компьютером) железы, отвечающие за слезоотделение, отказывались функционировать, и глаза, неуловимо подкашивающиеся, оставались совершенно сухими.

– Ну... как? – не выдержав, пробурчала тетка, приняв ее молчание за сомнение и неудовольствие по поводу предлагаемого помещения. – Подходит, нет?

– О, все великолепно! – поспешно воскликнула Александра Степанова, нездорово закашлявшись. – Мне у вас вообще очень нравится...

– Ну и слава Богу, – кивнула тетка.

Видимо, почувствовав, что тетка все еще находится в тревоге, Александра Степанова поспешила присовокупить (в качестве решительного комплимента), что все у нас чрезвычайно напоминает ей свою собственную дачу, тоже по-простому обшитую вагонкой, на которой в настоящее время живут ее престарелая, но чрезвычайно бодрая и крепкая мать и младший сынишка подросток.

Думая, что ослышались, мы с теткой изумленно переглянулись: для чего снимать комнату у чужих людей, если у самой целая дача?!

Вопиющую нелепость ситуации была очевидна и самой Александре Степановой, и она торопливо пояснила, что «так надо» – ей необходимо пожить отдельно, по причинам сугубо творческого характера. Подобным тоном, во избежание дальнейших вопросов, ссылаются на психиатрический диагноз.

И почти без паузы прибавила, что несколько месяцев назад от нее ушел муж... Это удивило нас еще больше, поскольку прозвучало, как еще одна причина (причем, может быть, самая главная), что она вынуждена снимать угол у чужих людей, несмотря на то, что располагает не только дачей, но, как немного погодя выяснилось, еще и двумя квартирами.

Она смотрела на нас такими глазами, словно мы ненароком уличили ее бог знает в чем, не то в ужасном преступлении, не то в извращении, но готова на всё – пострадать, подвергнуться самому жестокому осмеянию.

У нас с тетушкой, естественно, хватило такта и выдержки, не развивать эту тему дальше.

– Может быть, для вас это слишком дорого? – строго поинтересовалась у нее тетка.

– Да... То есть нет... То есть, конечно, я готова, – почему-то покраснев, и в то же время с оттенком чопорности произнесла она. – Я хочу заплатить сразу за весь сезон. А если вы позволите пожить еще месяц-другой, то и за это время...

– Это уж как вам угодно, – деликатно и коротко кивнула тетка.

С взвинченной искренностью, неприятно граничащей с экзальтированностью, Александра Степанова принялась благодарить ее. И тут же полезла за деньгами. Высокомерная замкнутость и униженность, замешанная на чувстве вины, сменялись у нее с необычайной быстротой.

Как бы там ни было, в целом я, скорее, прониклась к теткойной постоялице симпатией, чем антипатией. Несмотря на изрядно запущенные, как сейчас говорят, имидж и прикид (что, на мой взгляд, непростительно даже для тех, кто проводит в поэзии «упадническую линию») природа-матушка наделила ее миловидностью и статью. Примирительно настраивало, располагало также сквозящее во всем ее противоречивом облике что-то одухотворенное, нищенски трогательное, похожее на мольбу. В ней, безусловно, не было тени наглой бесцеремонности, напора. Щепетильность, пусть и чрезмерная, качество совершенно нелишнее в людях. А по нынешним временам так просто редкостное.

Я оставила женщин одних, так как до отъезда еще собиралась сделать питательную маску из перезрелой тетушкиной земляники, принять солнечную ванну и привести в порядок ногти. Гигиенические процедуры способствовали самопознанию и всегда доставляли мне колоссальное самостоятельное удовольствие. По крайней мере, не меньшее, чем результат, заставляющий окружающих мужчин делать стойку, а женщин мурлыкать и играть коготками.

Между тем моя словоохотливая тетка, как заправский экскурсовод, принялась водить нашу новую знакомую по своим владениям, с гордостью демонстрировала, как складно и крепко устроено хозяйство, клумбы, сад с огородом. Время от времени до меня долетали тетушкины пояснения: вот эту резную скамеечку покойный супруг изготовил собственноручно, а затейливый каменный колодец сложен еще покойным отцом. Словом, все главное, фундаментальное построено здесь мужскими руками, на века, а самой ей остается лишь поддерживать хозяйство в приличном виде: разводить цветы, развешивать занавесочки. Мол, живет она себе поживает; и среди этой роскоши разговаривает с дорогими покойниками, как с живыми.

Они вернулись, когда я лежала в шезлонге под кустом жасмина со свежим номером «Космо».

– Чудесно у вас, настоящий райский уголок, – подтвердила Александра Степанова. Было видно, что на этот раз она ничуть не преувеличивает своего благоговения, что ей действительно

не хватает этой тихой семейной атмосферы, не возмущаемой никакими бурями, этой мирной домашней ауры. – Вообще-то, у нас на даче тоже много сделано руками мужчин. Не все сделано, конечно. Зато в московской квартире муж сам сколотил книжные полки, а замечательный книжный стол, поверите ли, соорудил из простой двери... Ах, как это прекрасно, – вдруг прибавила она мечтательно, – когда муж и жена живут вместе до самой смерти...

Тетка машинально кивнула.

– ...А еще лучше, – заключила Александра Степанова, – когда супруги умирают в один день и их вместе хоронят в одной глубокой и уютной двухспальной могиле...

Тетка вопросительно взглянула на меня, а я лишь пожала плечами и прикрылась журналом.

Честно говоря, я хотела шепнуть ей: может быть, пока не поздно, дать постоялице от ворот поворот? Но удержалась. Для нее ведь самое главное, чтобы к человеку можно было испытывать заботливо-родственные, материнские чувства. «Ты-то меня раз в год навещаешь, – пожалуй, услышала бы я от нее, – а тут такая вселенская бездна сиротства и незащитности...»

– Прошу прощения, – произнесла эта «вселенская бездна», обращаясь к тетке, – вы не будете иметь ничего против моего испорченного образа жизни? Когда заработаюсь, очень поздно ложусь. Соответственно, поздно встаю. Иногда предпочитаю вообще не спать. А здесь я, на даче, бог даст, может быть, стану иногда прогуливаться по ночам... Но это вас совершенно не побеспокоит, я тихая, как мышка, не наркоманка, не алкоголичка... – пошутила она с нервной усмешкой, видя, что тетюшка начинает тревожиться. – К тому же, я никудашная хозяйка, да и аккуратностью, кажется, не отличаюсь. Зато обожаю мыть полы. Причем попросту, эдак по-деревенски, с ведром и тряпкой. А еще стирать...

– Она, верно, истосковалась по душевному отношению, – шепнула мне тетка. Я поняла, что она уже успела полюбить ее и готова на всё.

– Кстати, – спохватилась Александра Степанова и снова закашлялась, – а курить у вас разрешается? – Теперь я поняла, чем объяснялось ее нездоровое покашливание. К тому же, она сама оговорила, что привычка непростительно вредная, надо бросать, тем более что курить она начала сравнительно недавно, то есть в уже зрелом возрасте, как раз незадолго до того, как ушел муж, а после его ухода и подавно задымила как какой-нибудь боцман – самоубийственно интенсивно.

Тетка замялась, но я нашлась, тут же заявив, что безусловно запрещается – поскольку тетка жутко боится пожара.

С сожалением покачав головой, Александра Степанова достала пачку тонких дамских сигареток, зажигалку и отправилась курить за калитку. Там она стояла в профиль к дубовой роще, держа сигаретку между напряженно вытянутых пальцев, коротко, но глубоко затягиваясь.

Накурившись, она без лишних церемоний переделалась в затрапезные джинсы, линялую безрукавку и, налив в ведро воды, вымыла, выскоблила пол во всем доме, а также перетрясла и перестирала все теткинны коврики и половики.

Как показало дальнейшее, мои опасения были совершенно напрасными. Хотя поначалу я даже зачастила к тетке, узнать, как у них дела. Но постоялица, пусть и весьма безалаберно, и правда жила тихо, как мышка. А главное, терпеливо, даже с интересом выслушивала теткинны мемуарные отступления, семейные предания, а также истории о местных нравах и новости о дачных происшествиях. Меня она, как будто, стеснялась. А может быть, боялась показаться в тягость. Я, впрочем, немножко пошпионила за ней, даже в ее отсутствие поднялась к ней в светелку, покопалась в ее вещах. Обычное женское любопытство. Удивительное дело, у нее не обнаружилось абсолютно ничего примечательного – минимум косметики, два-три женских романчика, распечатка перевода повести какой-то депрессивной шизофренички-американки. Ну а к ней в ноутбук, даже если бы я страдала патологическим любопытством, я бы, конечно, не

полезла; тем более, по книжечке своих стихов с дарственной надписью она преподнесла нам с теткой в первый же день. Такие женщины, порой и раздражая излишней дотошностью и щепетильностью, однако, как правило, весьма легко находят общий язык с людьми. Особенно служебной обстановке и с женщинами. При желании с ними всегда можно переброситься поверхностным словечком, просто попить кофейку.

О ее запущенной внешности я уже упомянула. Впрочем, как и о том, что в целом изъяны не были такими уж фатальными. Сама-то я всегда стараюсь следить за собой, что называется, в соответствие с последним «писком». При этом все подруги считают меня весьма мудрой и рассудительной. Но в Александре Степановой ум был совсем другого свойства. Не знаю, можно было бы назвать склад ее ума мужским? Не думаю. Во всяком случае, я с уважением (хотя без крупницы зависти) замечала в ней то, чем не обладала сама: само выражение ее лица, обороты речи свидетельствовали о тонкой, потаенной, предельно напряженной внутренней работе. Возможно, какой-нибудь злой женский язычок назвал бы это желанием «поумничать», – что, вообще говоря, женщине не к лицу. Впрочем, это был бы явный наговор и предвзятость – даже для нашей сестры. Если в Александра Степанова и позволяла себе некое глубокомыслие, то никак не из желания блистать или «звездить». Разве что раздражала промелькивавшая в ней несвойственная женщине способность судить, а точнее, способность воспринимать вещи чересчур ответственно. Впрочем, это объяснялось не какой-то там запредельной интеллектуальностью, а экстремальной нравственностью, «правильностью», которая сказывалась во всем ее отношении к миру. Если угодно, чувством долга. А это, конечно, приводит в изумление – особенно, в наше время, когда никому ни до кого, в общем-то, нет никакого дела.

В этой связи припоминается одно чрезвычайное происшествие во время ее проживания у тетушки – происшествие, которому мне довелось стать свидетельницей, случай для нашей тихой и безмятежной дачной жизни из ряда вон.

– Ох! Ах!.. – И больше вымолвить ничего не может.

Оглядываюсь, вижу за ее спиной страшную, азиатскую, всю окровавленную рожу. Дар речи возвращается к тетке. Выясняется, что на одной из соседних дач, где днем узбеки строили коттедж, а к вечеру обычно удалялись в какое-то свое гетто-резервацию, оставляя лишь старика-сторожа, произошел разбой. Двое неизвестных, не то цыгане, не то молдаване, а скорее всего, местные бомжи, хватили старика-узбека по бритой голове арматурой и, пока тот лежал без сознания, утащили газовый баллон. Оглушенный старик, видимо, совершенно потерявший ориентацию, приполз к теткиной даче. Постоялица Александра Степанова как раз курила у калитки, когда бедняга, вытирая рукавами пестрого халата заливавшую глаза кровь, упал на колени и, указывая пальцем куда-то, повторял одну и ту же фразу: «Баллон ашка сп... и!» Он и потом, как безумный, одну эту фразу твердил. И что вы думаете? Наша постоялица опрометью бросилась в указанном направлении. В погоню за злоумышленниками. Кроме сигарет и зажигалки, при ней был еще и сотовый телефон. Набегу она успела вызвать милицию, службу спасения, а также, кроме шуток, дозвонилась до автоответчика посольства республики Узбекистан. Довольно скоро, в конце темной аллеи забрезжили две фигуры, волокущие краденый баллон. Вокруг как назло не было ни единой души. Только из-за заборов лаяли собаки. Дачники рано ложатся спать, а кобелей и сук на ночь спускают. «Держите их!» – закричала Александра Степанова. Она догнала их очень быстро. Хотя нужно учесть, что они все-таки бежали с баллоном. Что делать? Вспомнив молодость, она так пронзительно завизжала, что в двух ближайших фонарях лопнули лампочки. Воры бросили баллон и пустились наутек. Теткина же постоялица, как разъяренная тигрица, нет, волчица, в трениках и тапочках, размахивая сотовым телефоном, продолжила преследование. Впрочем, чудес не бывает. Догнать злоумышленников, хорошо ориентировавшихся на местности и, к тому же, избавившихся от балласта, ей не удалось. Зато в ажиотаже она сделала огромный крюк, добежала аж до железнодорожной станции, где подняла на ноги милицейский наряд, заставив сонных, матерящихся сержантов

отправиться на место происшествия. К сожалению, когда прибыли на аллею, баллон успел умыкнуть кто-то другой, а от бедного старика-узбека, которого милиционеры еще и забрали в кутузку, добиться ничего путного, кроме уже сказанного, не удалось... Глядя на все еще перепуганную тетку, которой, как я понимала этот окровавленный узбек точно будет являться во снах, и на ее судорожно кашлявшую постоялицу, я почувствовала, что еще мгновение – и лопну от хохота. Однако в этот момент я встретилась взглядом со Степной Волчицей. О, этот взгляд – незабываемый и бездонный! О нем можно было бы написать целую поэму! Я прикусила язык. Ее взгляд критиковал не только мою циничную, бессердечную смешливость – в такой неподходящий для веселья момент. Ее взгляд словно пронзал весь мир, всю нашу жизнь, вскрывая все ужасающие язвы – нашу бездуховность, безразличие, полное отсутствие не только сочувствия и жалости, но и забвение самого смысла человеческой жизни. «Вот какие мы звери! Вот какие шуты! Покаемся!» Казалось, один это взгляд должен был обратить в прах наши мелочные душонки, чтобы мы возродились из пепла и снова стали братьями и сестрами...

Но я как всегда сильно забежала вперед. Вот, уже успела выложить в общем-то все самое главное о моем знакомстве со Степной Волчицей, хотя собиралась немного поинтриговать читательниц, обрисовать ее личность исподволь. Раз уж так получилось, больше не стану твердить о ее «странностях», воздержусь от подробного рассказа, как я проникла в причины и смысл ее жуткой обособленности и брошенности. Оставлю психологию психологам, а займусь лишь тем, что на правах очевидицы прибавлю еще несколько штришков к портрету Степной Волчицы.

Я уже сказала, что первое мое впечатление содержало изрядную долю антипатии. Может быть, все дело в разнице поколений. Я-то почти вдвое моложе ее, женщина на все сто. Моему поколению изначально отвратительны все эти «юродивые комплексы», «душевные искривления». Неудивительно, что мои здоровые инстинкты сразу заставили меня насторожиться и поморщиться при столкновении с дурной кровью. Жить нужно предельно ясно и весело. Никакого сочувствия душевно убогим. Другое дело, моя тетка, у которой этого сочувствия вагон и маленькая тележка. Она-то сразу раскрыла ей объятия, считая, что если уж она русская, то обязана пригревать всех этих «душевно искривленных» страдальцев. А то, что Александра Степанова была абсолютным гением страдания, это было написано у нее на лбу. Причем, могу смело утверждать, не биологического, не врожденного страдания, а воспитанного, взлелеянного ею самой. Это коренилось не в каких-то пороках или душевной узости, а наоборот – в избыточно богатых душевных задатках и качествах ее натуры. Неизмеримые запасы любви, которую она бездумно, безотчетно была готова на каждом шагу отдавать миру, бросаясь на помощь любой живой душе, будь то бродячий котенок, марсианин или вот, как в последнем случае, старик-узбек. Что же касается ее взыскательности к несовершенствам нашего мира, то это било главным образом по ней же самой. То есть она страдала от жгучего презрения к себе, ненавидела себя, винила себя во всем и вся, всё стремилась оправдать, всё покрывала...

Может быть, я снова забегаю вперед, но не могу не пояснить, что своеобразие души, смыслом которой является всяческое самоподавление, безусловно проистекает из воспитания и семейного уклада. Что касается Александры Степановой, то из ее записок я узнала немало о личностях ее родителей, о семейных занозах и ранах, о благородном и, в то же время, жестоким и безапелляционным диктате отца и так далее. В данном случае я хочу заметить, что как не важны частные семейные обстоятельства, но гораздо важнее иметь в виду общую особенность поколения тех, кто приходится нам дедушками и бабушками. Теперь это трудно представить, но коллективизм и взаимоучастие прошедшей эпохи вовсе не были лишь идеологическими химерами. Люди прошлого почти на физиологическом уровне ощущали человеческую зависимость друг от друга, обоюдную ответственность. Естественно, со всеми перегибами и извращениями. Совестьливость, порядочность – удивительные словечки из их лексикона. Будучи в массе своей людьми абсолютно безрелигиозными, они по сути дела поддерживали

в обществе формальное следование основным христианским заповедям. По крайней мере, насколько я лично успела узнать и понять моих дедушек и бабушек, их жизненные установки никак нельзя назвать изначально и насквозь лживыми, лицемерными. Напротив, пусть наивные, прекраснородушные, но вполне искренние, почти до богобоязненности, в своем поклонении идеалам некой высшей человеческой справедливости, даже если именовались «коммунистическими». Вероятно, Александра Степанова оказалась той на редкость восприимчивой воспитанницей, которая буквально вобрала в себя все эти «заветы и идеалы», оказавшись готовой христианкой. Более того, христианкой-мученицей. Всю свою жизнь она прилагала героические усилия любить людей, жить по справедливости, никому не делать больно и так далее. А все отрицательное, что находила вокруг, объясняла собственным несовершенством. Чистила-распекала себя с неиссякаемой энергией, самокритикой и въедливостью, на какую только была способна. Точнее, на какую способен разве что отъявленный эгоист. В результате, по отношению к другому миру оказалась загнанной в некую психологическую резервацию.

Господи, опять меня снесло на какой-то анализ. Образование помогает в жизни, но портит характер. Возвращаюсь к фактам. Со слов тетки я составила для себя полное представление о ее, дачницы, образе жизни. Убеждена, она придерживалась его в течение многих лет, не исключая периода супружеской жизни. Женщиной она была закоренело книжной, «умственной». После бессонных ночей, многочасового стучания на ноутбуке, залеживалась в постели далеко за полдень. Потом накидывала халат, совала ноги в тапки и первым делом отправлялась за калитку покурить. Затем на кухню готовить кофе. На тумбочке появилась тарелка, в которой содержалась груда облаток с таблетками. В основном, снотворное и успокаивающее. Пара пузырьков с пустырником и валокордином. Повсюду банановая и апельсиновая кожура. Несколько опустошенных и полных коробок с шоколадными батончиками типа «Марс». Надо полагать, шоколад был одной из ее слабостей, с которой она безуспешно сражалась. Долго крепилась, а затем бросалась поедать его с виноватой улыбкой: «У нас и дома никогда ничего сладкое не залеживается, шоколад – витамин счастья...»

Счастье – оно у нее безусловно было в ужасном дефиците. Кашель кашлем, но по ее ширококостной комплекции было заметно, что жареный петух ее еще по-настоящему в маковку не клевал, что она от природы двужилкая. Рак, туберкулез, малокровие были для нее пока что явно ничего не значащими абстракциями. Несколько распотрошенных блоков с женскими сигаретками – на подоконнике и на столе рядом с ноутбуком. Очевидно, необходимость воздерживаться от курения в доме было для нее колоссальным неудобством, но, надо отдать ей должное, она ни разу не поддалась искушению, не прибегла к такой характерной для большинства курильщиков унизительной партизанщине – курению тайком у раскрытого окна, в кулак и так далее. При этом бесконечно твердила, что со дня на день намерена избавиться от дурной привычки, что существенно сократила потребление сигарет, максимум несколько штук в день. Глупое и ничтожное поведение. Женщина должна благоухать, заботиться о своем здоровье, которое по большому счету (за исключением денег) – единственный надежный источник радостей и наслаждений. В данном случае сочувствия она у меня не вызывала никакого, поскольку я сама не курю и не люблю этих заядлых курильщиц, которые и мужиков себе вынуждены выбирать желто-серых, как старые газеты, прокуренных до печенок. Какой пример детям, я уж и не говорю.

Не большей упорядоченностью, чем сон и работа, отличался также ее режим в смысле еды и питья. Частенько она вообще не выходила из дома, не потребляя ничего, кроме кофе да своих шоколадных батончиков (вежливо, но твердо отвергая теткин приглашения на борщ, щи или котлетки). Потом, словно по окончании какого-то неведомого поста, набрасывалась и на борщ, и на щи, – при этом притаскивая из ближайшего местного супермаркета полные сумки всякой безалаберной снеди и гастрономических прихотей – как то: элегантные пирожные, свежевывжатые соки, консервированные каракатицы, селедка в экзотических соусах, пель-

мени, пицца и даже замороженная картошка-фри. Последняя (то есть картошка-фри) возмутила мою тетку до крайности. Как можно швырять на такое баловство деньги, которых у ее постоялицы, явно не было в избытке! «Идиотство!» – в сердцах восклицала тетка, а Александра Степанова только смеялась.

С разрешения тетки, стены светелки оказались украшены несколькими вырезанными из старых журналов фотографиями каких-то малоизвестных поэтов и поэтесс, а также репродукцией картины кого-то из добротных реалистов – русская деревня: изба, мужик с вилами, разгребающий навоз, баба с коромыслом, румяные дети с кружками, хлебающие молоко. Семейная идиллия. Довольно странный выбор картины, учитывая сугубо городское происхождение Александры Степановой.

Еще запомнилась одна наша более или менее доверительная встреча. Однажды я приехала по просьбе тетки, которой нужно было отлучиться в Москву, но которая не хотела оставлять постоялицу в доме одну. Вовсе не от недоверия или что-нибудь в этом роде, а исключительно беспокоясь, как бы с ней не случилась какой-нибудь неприятность. Вероятно, в отличие от меня, тетка уже начала подмечать в ее поведении кое-какие действительно тревожные симптомы.

Я приехала под вечер. Лето в том году выдалось чудесное: каждый день – райский. Александра Степанова сидела на крылечке, по-простому, прямо на ступеньках. Даже без сигареты. Мрачная, как на похоронах. Издалека меня уколола какая-то тревога, но, подойдя ближе, я увидела, что она уже заметила меня и заулыбалась со всей возможной жизнерадостностью, явно пытаясь скрыть свое истинное настроение, не желая омрачать своим видом этот замечательный вечер. Налив себе минералки, я уселась рядом в шезлонге, в то время как Степаная Волчица продолжала сидеть на ступеньках. Опять-таки, меня удивляла эта странная тяга к опрошенности, чисто деревенские замашки – в ней, до мозга костей городской жительницы, даже интеллектуалки, англофилки. Любовь к стирке вручную, мытье полов с ведром и тряпкой. Теперь вот сиденье на крылечке, вместо шезлонга. Объяснение этому я нашла только гораздо позднее – в ее записках.

Она тряхнула свежеекрашенными волосами.

– Как тебе?

– Гораздо лучше, – кивнула я.

Высветлив волосы, она действительно помолодела лет на десять. Я также обратила внимание, что сегодня на ней не было ни обтрепанных треников, ни затрапезной футболки. Надела довольно приличное и дорогое платье, весьма игривое, с разрезами в самых неожиданных местах. Более того, привела в порядок ногти, подкрасилась. В общем, явно решила прибавить сексапила.

– Как настроение? – поинтересовалась я.

– Вот, сижу, как в волшебной сказке, – ответила она, обводя рукой крыльцо и палисадник. – Жду: может, случиться что-нибудь чудесное...

– Например?

– Не знаю. Просто подумала, как хорошо сидеть женщине на крылечке такого славного, уютного дома... Смотреть на дорогу...

Я молчала, а она продолжала:

– Наверное, я уже впадаю в старческую сентиментальность. Маразм.

– Нет, что вы! – успокоила я ее.

– Ничего, ничего. Я действительно не такая уж молоденькая... – Да уж, подумала я. – А все-таки здесь такие чудесные места! Все пропитано порядком, духом счастливой семейной жизни, которая продолжалась много лет, нашла свое отражение в каждой трещинке и гвоздике. Эта яблоня и этот куст жасмина помнят, сколько любви, нежных слов, родного, доброго отношения наполняло жизнь здешних обитателей...

– Может, не так уж и много... А впрочем, может быть.

– Вот-вот!.. Это всё здесь! Здесь! Поэтому я грежу, что всё это, может быть, реальность.

Женщина сидит на крылечке в лучах красного солнышка, смотрит на дорогу...

– По которой ей навстречу топает ее любимый мужчина? – улыбнулась я.

Она посмотрела на меня таким взглядом, что я невольно вздрогнула: столько в ее взгляде было мольбы не разрушать этот чудесный образ, не иронизировать. Не так уж трудно было догадаться, что этот образ не случайные слова, что он был ей чрезвычайно дорог. Тоска – по тому, что безвозвратно потеряно? Надежда – несмотря ни на что?

Мы немножко помолчали.

– Ты работаешь в большой фирме, – продолжала она. – Бухгалтерия, бизнес. Для меня это – китайская грамота. Ты молоденькая, независимая, красавица. Водишь машину. У тебя множество знакомых, мужчины, женщины. А я живу, словно устрица, всю жизнь в своей раковине. Только теперь эта раковина обветшала, стала похожа на прохудившуюся скорлупу... Я думаю, я пишу, я надеюсь. Я вожу пальцем по песку, а вода волна за волной смывает все мои мечты...

Что она хотела этим сказать?

Снова придя в преувеличенно сентиментальное, до смешного благоговейное состояние, она принялась восторгаться самыми обычными пустяками: то цветом моей сумочки, то формой помады, фальшивой татушки, цепочкой на щиколотке, лаком с блестками или булавкой-алмазиком в моем проколоте пупке. Снова я напрягалась, не зная, действительно ли она такая наивная, а может быть, считает меня бездушной современной особой, не имеющей понятия о поэзии и музыке. Да и не желающей иметь... С другой стороны, сейчас и старушки прекрасно прокалывают пупки, красятся перьями. Почему же она вела себя так, словно ей напрочь был заказан вход в наш веселый и блистающий женский мирок, и единственное, что ей оставалось – заглядывать в щелочку?

– Да-а, я – настоящая Степная Волчица, – сказала она, еще немного помолчав. – Мои детеныши-волчата выросли, им больше не нужны мои сосцы, к тому же давно иссохшие. А мой супруг-волк, вопреки всем легендам, его же собственным заверениям о волчьей преданности и нерушимости волчих пар, давно сбежал, возненавидев нашу старую уютную нору, влекомый одним лишь биологическим инстинктом покрыть побольше других женских особей. Другая нора и другая волчица стала для него родной...

Ах, как меня раздражала эта ее глупая, высокопарная манера выражаться!

Искупавшись на озере и приняв душ, я вошла на веранду и застала ее перед включенным телевизором. Меня очень удивило, что она коротает время за легкомысленной молодежной попсой. Впрочем, ее взгляд был уперт в пол, а выражение лица холодное, совершенно безучастное. Я бы даже сказала: отрешенно-сиротское. Через некоторое время стали крутить старую рок-музыку. Размеренные, печальные аккорды или истошная рок-н-рольная горячка – эта музыка отцов казалась мне ренегатски-однообразной и старомодно-унылой. На какие-то мгновения ее лицо ожило, осветилось каким-то мечтательно-счастливым светом, но потом снова осунулось и заледенело, превратившись в старую обрюзгшую (и брюзгливую) маску. О чем она думала в этот момент? Потом снова стали крутить попсу.

– Тебе нравится? – неожиданно поинтересовалась она, когда на экране с пронзительным писком, завертелись две юные ведьмочки-лесбияночки.

– Нормально, – кивнула я, пожав плечами, не понимая, что она хочет от меня услышать. Честно говоря, мне и в голову не приходило задумываться о моем отношении к музыкальному видео, а тем более, как-то его анализировать.

– То есть тебе это кажется нормальным... – едва заметно улыбнулась она своей жалкой улыбочкой, но в тоне ее было то, что так часто меня уязвляло: этот оттенок всепрощения, это желание со всем примириться, даже с тем, что казалось ей глупым и недостойным, а на самом

деле не заслуживало того, чтобы вообще обращать внимание. «Уж не зануда ли она?» – подумалось мне тогда.

Поднявшись зачем-то в тот вечер к Александре Степановой, я увидела на экране ее ноутбука в качестве заставки фотографию необычайно симпатичного молодого человека.

– Это ваш сын? – поинтересовалась я.

– О, нет! О, нет! – поспешно пробормотала она, смущенно замахав на меня руками.

А еще через пару недель, проезжая через переезд мимо дачной железнодорожной платформы, я увидела нашу Степную Волчицу под руку с этим самым молодым человеком с фотографии. Несмотря на изрядное расстояние, я сумела отлично рассмотреть, что в жизни молодой человек еще симпатичнее. Александру Степанову было не узнать: до того оживленной, беззаботно болтающей дамочкой она мне показалась. Судя по тому, как нежно он держал ее под руку, они явно были «сладкой» парочкой. Я была заинтригована до глубины души: у нашей отшельницы и зануды такой молодой, сексапильный кавалер?! Кстати, в тот день, она всю ночь где-то пропадала и явилась домой только под утро. Я нарочно вышла ей навстречу – будто попить водички. Впрочем, расспросить у нее о нем у меня не хватило духу. Теперь она вовсе не выглядела оживленной и счастливой, как днем на платформе. Наоборот, жутко печальной и унылой. Мы вежливо и сухо поздоровались, словно это не был предрассветный час. Александра Степанова поднялась к себе в светелку. Потом я долго слышала, что она не спит – все вышагивает взад-вперед по комнате, только раз или два что-то коротко выстучав на ноутбуке.

Чего не знаю, того не знаю. Не буду строить о ее личной жизни никаких предположений.

Как рассказала тетка, после этого она почти целую неделю снова провела в глухом затворе, выходила только покурить у калитки. «Глядя на нее, – говорила тетка, – у меня сердце кровью обливается! Пропавший она человек!»

Как бы то ни было, для меня совершенно ясно одно – она жила раздвоенной жизнью. Может быть, с зарождающимся климактерическим помешательством. Свою неврастению она нисколько не скрывала, все в ней говорило о том, что, несмотря ни на что, она вынашивает и укрепляет мысль о самоубийстве. Однако не думаю, что она все-таки покончила с собой – ведь раз или два она посещала с теткой нашу местную церковь и очень серьезно молилась. Нет, не думаю. Но с тех пор, как она неожиданно исчезла (даже не прожив всего оплаченного времени), мы больше ничего о ней не слышали. Она оставила записку, в которой писала, что необыкновенно нам признательна, что мы приютили ее в трудный момент, что она нас любила всем сердцем. Незадолго до исчезновения, она спросила, есть ли у меня электронный адрес. Я продиктовала. А через некоторое время я вдруг получила по электронной почте ее записки. Что с ними делать, зачем она прислала их мне – Бог ее знает.

Хотя я уверена, что Александра Степанова не из тех людей, что способны сознательно лгать, однако ее записки показались мне, мягко говоря, фантастическими. Просто не могу представить ее в подобных ситуациях!

Судя по всему, описываемые события происходили в последнее время – во время проживания ее у нас. Задним числом я действительно нахожу определенные совпадения – периоды тяжелых депрессий (когда она изводила себя одиночеством и постами), перемежавшимися со светлыми, почти безмятежными состояниями.

Если не самоубийство, то где она теперь? По-прежнему ли снимает где-то угол, или восстановила отношения со своими близкими?

Теперь, кажется, я даже жалею, что не потрудилась узнать ее поближе. Она была замечательной слушательницей, с ней я разбалтывалась, как никогда ни с кем. Вместо того чтобы расспросить ее, рассказывала о себе. Ее образ, довольно смутный, я могу едва восстановить в своем воображении, но по ночам, во сне она почему-то довольно часто является мне. Даже по прошествии порядочного времени я чувствую, что не освободилась от нее, что ее образ

лежит на моей душе каким-то бременем, самим фактом своего существования. Или даже, при всей своей странности, отзывается в моей душе какой-то тревожно-родственной нотой.

Я не она. Я живу совершенно другой жизнью. И своих забот у меня, как говорится, полон рот. Но знакомство с ней поселило в моей душе какую-то тревогу, как будто когда-нибудь в будущем мне предстоит понять, пережить нечто подобное.

Что касается самих записок, будь они одной интеллектуально-литературной игрой, да еще продуктом не совсем здоровой психики, я бы, конечно, вообще не стала их читать. Несмотря на пресловутое женское любопытство, на самом деле нам, женщинам, претит всё диковинное и странное – напрягает, лишает чувства уверенности... Если уж приключения – то со всем комфортом, защищенностью, когда «все включено». Однако, как мне теперь кажется, в записках Степной Волчицы содержится ключ к пониманию того, почему так много наших сестер в один прекрасный день проваливаются в ад одиночества, не в состоянии ничего противопоставить мужскому эгоизму и предательству.

Что касается самих записок, будь они одной интеллектуально-литературной игрой, да еще продуктом не совсем здоровой психики, я бы, конечно, вообще не стала их читать. Несмотря на пресловутое женское любопытство, на самом деле нам, женщинам, претит всё диковинное и странное – напрягает, лишает чувства уверенности... Если уж приключения – то со всем комфортом, защищенностью, когда «все включено». Однако, как мне теперь кажется, в записках Степной Волчицы содержится ключ к пониманию того, почему так много наших сестер в один прекрасный день проваливаются в ад одиночества, не в состоянии ничего противопоставить мужскому эгоизму и предательству.

Записки Александры Степановой только для брошенных жен

1

Никто не поверит в такие совпадения, да я бы и сама не поверила, – поэтому с самого начала я твердо сказала себе: это будет что-то вроде рукоделия. Иголочкой, ниточкой, штоп-штоп. Вполне женское занятие – вышивать гладью по канве, по какому-нибудь готовому, классическому узору, к тому же, начертанному мастерской, сильной, не делающей промахов, рукой мужчины. Один знакомый литератор уверял, что исключительно удовольствия ради Толстой переписывал Чехова, а Чехов Толстого. И, естественно, оба считали, что их вариант лучший. Мне до них, как до звезд.

День прошел – и слава Богу. Женщины – большие искусницы убивать время, но у меня даже это получается плохо. Я живу одномерно, боязливо. Несколько часов переводила, потом пробовала читать. Потом размышляла, стоит ли позвонить детям, маме. Потом меня настигла головная боль. Не долго думая, я убила боль патентованным американским средством, бесконечно мелькающим в телерекламах. Шипучая таблетка завертелась в стеклянном стакане. Я так себе это и представила: каленая стрела со свистом пронзает эту мерзкую медузу, присосавшуюся к моему виску, точно в цель. Я мысленно рассмеялась: ах, если бы все проблемы решались так просто! После этого приняла холодный душ. Буду умницей, как советуют знающие люди, позабочусь о форме. Потом я покурила и проверила электронную почту. Похоже, на ближайшие пару месяцев работой я обеспечена. Конечно, приходится трудиться за сущие гроши, но выбора никакого. Раньше переадресовывала всю денежную работу ему – в надежде, что он будет высылать нам деньги, но денег так и не увидела. К тому же, без моей подстраховки он работал неохотно, неряшливо и в конце концов распугал всех лучших заказчиков. Как-то, взвинтив себя, я спросила его в лоб, собирается ли он давать нам что-нибудь. «У меня нет денег», – резко сказал он. И глаза у него стали злые. Денег нет. Работы нет. Машину чинить надо. Новая семья. За все время подарил сыну мобильник, а еще немного погода – игровую приставку. Лучше бы зимние ботинки ребенку купил. Вечером, оглядываясь на прожитый день, я увидела, что снова не произошло ничего хорошего. Если не считать того, что я еще жива. Впрочем, последнее легко исправить: сколько стареющих женщин, не рассчитав суточную дозу транквилизаторов и снотворного, просто не просыпаются утром! Тихий, почти естественный уход.

Не думаю, что самый несчастный нищий и калека, согласился бы поменяться со мной местами. А если бы согласился, то уже через пару дней запросился на прежнее «место» или наложил на себя руки. Мигрень, каторжная работа – с этим я кое-как свыклась. Но вот с чем никогда не смогу свыкнуться – это с мыслью о том, что после восемнадцати лет счастливой семейной жизни он в одно мгновение бросил меня и двух наших детей и ушел к маленькой, гадкой колдунье! Пусть даже не колдунье, и не гадкой. Пусть к талантливой, даже более талантливой, чем я поэтессе. Вдобавок, дважды разведенной, и, по слухам, жалкой нимфоманке. И таки еврейке. А стоит мне позвонить кому-нибудь из общих знакомых, как тут же передают новые подробности – о том, как он счастлив с этой женщиной. Бедняга! Это, восклицают, похоже на ритуальное убийство. Или покупаю в киоске свежий номер «Литературки» – а там ее талантливые стихи, сочащиеся мерзкими подробностями, которые я с жадностью проглатываю, а потом корчусь от ревности и боли. И так далее.

Я ненормальная. Я сажусь вечером на крылечко этого прекрасного уютного дома, где столько поколений жили счастливой семейной жизнью, смотрю на солнышко, травку, птичек. Тропинка купается в горячих солнечных лучах. Еще немного – и стихи... Я представляю себе, что он одумался и, разыскав мой адрес, приехал, и сейчас идет мне навстречу, а я такая родная, спокойная, счастливая жду его на крылечке... Увы, по тропинке никто не идет, или идет кто угодно, но только не он. А я – не родная, не спокойная, не счастливая. В одно мгновение все вокруг меркнет и чахнет – и чудесный летний вечер, и пенье птичек, и цветы. Мне остается одно: снова глушить себя работой, таблетками, среди бессонной ночи выстукивать на ноутбуке стихотворные строчки, которые выходят чернее и страшнее, чем сама ночь. А с первым лучом солнца я зажмуриваю глаза и бросаюсь лицом в подушку. Мрак ночи стремительно несется сквозь меня. Сердце колотится. Меня обжигает ужас. Не знаю, сколько продлится эта мука. Кое-как засыпаю.

Мне снится, как зверски я ненавижу моего милого дурака. Ведь он действительно дурак, если повел себя подобным образом. Кроме него, это всем очевидно. Если бы он имел хоть немного сердца, если бы пришел ко мне, то нашел бы во мне горячую, страстную женщину, готовую искупить все свои прошлые ошибки и глупости. Мы бы обнялись и не размыкали объятий до самой смерти.

Честно говоря, когда я просыпаюсь на следующий день, я не уверена, движется ли время вообще. Неужели опять все повторится? Такое ощущение, что я застряла во вчера. То же кофе, те же стихи.

Тогда я иду на ухищрение. Я одеваюсь попроще, по-дачному, беру кошелек и отправляюсь на станционный рынок. Побалую себя чем-нибудь самым-самым – сочным и вкусным. Только ни в коем случае не торопиться. Наоборот, как можно вальяжнее и беззаботнее спускаюсь на веранду, здороваюсь с хозяйкой, которая варит варенье из крыжовника и смотрит мыльный сериал. Терпеливо выслушаю все ее охи и ахи, смиренно и безоговорочно соглашаюсь, что вести такой образ жизни, какой веду я, – недопустимо и преступно. Хозяйка довольно одинокая, но счастливая женщина. Вырастила детей, похоронила мужа. Живет-поживает в своем гнездышке, как у Бога за пазухой, окруженная призраками счастливых времен. Рано ложится и рано встает. По воскресеньям даже ходит в церковь. Хотя просить Бога не о чем. Остается лишь благодарить. Все вокруг утешает ее и умиляет. Вот – салфетка, которую она собственноручно связала и подарила мужу на их серебряную свадьбу, а вот – хрустальная ваза, которую он подарил ей на пятидесятилетие. Я салфеток не вяжу, хотя и пыталась, а вазу мне уж никто не подарит. Зато я обожаю впитывать светлую ауру этого счастливого дома. Тишина, порядок, уют, чистота. Моя измученная, темная душа на мгновение озаряется светом чужого счастья. Хозяйка уверяет, что ее супруг изменял ей по меньшей мере одиннадцать раз, но я лишь снисходительно улыбаюсь: зато он умер у нее на руках, от обширного инфаркта, после сытного ужина с непременною рюмкой водки, она закрыла ему глаза и, вопреки современным нравам, сама обмыла, одела для похорон. Я бы тоже обмыла и одела моего... В конце концов, он знает, я чистосердечно уверяла его, что, если он вернется ко мне совсем, мое сердце для него всегда открыто.

Наговорившись с хозяйкой, выпросив у нее рецепт ее варенья, я выхожу из дома и иду по тропинке к калитке. По пути я наклоняюсь, чтобы поцеловать каждый цветочек, улыбающийся мне навстречу. Вот мои милые настурции и флоксы. А вот – восхитительные гладиолусы. Жужжат пчелки, шелестят крылышками стрекозки. За калиткой поспешно закуриваю. Еще одно мимолетное мгновение обманного счастья. А обманное счастье – всегда саморазрушение. Пусть так.

Вот, что я поняла: больше всего мне бы не хотелось нагонять на окружающих своим кислым видом черную тоску. Поэтому, последовав примеру милых садовых цветов, я внутреннее подтягиваюсь и заставляю себя улыбаться жизнерадостно и энергично. День чрезвычайно

жаркий. Ах, как я обожала в детстве такие летние дачные дни, когда нет и помина о промозглых зимних туманах! Летняя истома тихо кипит в крови, как варенье. Все вокруг наполнено музыкой и поэзией. И предчувствием любви. Теперь мне кажется, что таким же счастьем были полны все восемнадцать лет моей безоблачной семейной жизни с мужем, таким цельным и целеустремленным корневым человеком. Его, уже окончившего институт, только что вытурили из общежития, а он с мессианской энергией читал свои стихи о защите зеленых насаждений в Нечерноземье. Потом попросился у нас переночевать. Хотя бы на матрасике под столом на кухне. Не сомневаясь ни единой секунды, я пришла и отдалась ему в ту же ночь, а через неделю мы подали заявление в загс. Любовь! Я и сейчас ни о чем не жалею. Он был рыжим до медного отлива, все смеялся, рассказывая, что в родной деревне их фамилию дразнили «жидами красноглазыми». Но, осев в столице, почему-то прослыл антисемитом. Имея странное стремление время от времени, «надраться до чертиков», нес в такие загульные моменты всякий вздор. Еврею-то не дано развернуться разудалым ухарем. Ухарем может развернуться только антисемит. Вдобавок, он дотошно изучал корни происхождения народов и народностей. Не хочу вспоминать дурного. Увы, у него с первого дня не заладилось с моим отцом (типичная ситуация – два медведя в одной берлоге, к тому же, старый медведь сильно попивал и совершенно не терпел возражений). А детей надо было вывозить на природу. Поэтому молодой медведь почти задаром купил в дальней северной деревеньке избушку на курьих ножках (надо признать, в немалой степени в «пику» старому медведю, который от этого, понятно, только еще больше осатанел). От и до отремонтировал хибару, завел грядки, купил косу, подержанный автомобильчик. Дружно и весело зажили мы в нашей деревеньке, считая ее своим «наследственным» родовым гнездом. Если война, говорил муж, углублю погреб, устрой бункер: спа-а-семся! Господи, как мы все влюбились в запах сена, навоза, рыбьей чешуи, сушеных грибов! Дети росли на одном парном молоке и солнце, а родители, счастливые и целеустремленные, в поте лица зарабатывали хлеб. А сколько мы переговорили в той нашей милой деревеньке, сидя на солнечном крылечке! Муж пустился изучать мыслителей и философов, обещая написать когда-нибудь гениальную книгу и заработать миллион долларов. В перерывах между мыслителями помогал мне с переводами, набрасываясь на работу, как безумный, не зная ни дня, ни ночи. Мы читали друг другу стихи. Необычайно красиво он расписывал, между прочим, о том, что супружеская пара волков отличается абсолютной верностью и никогда не расстается. Я же написала рассказ-притчу о верных супругах, об их трудной жизни среди жарких сыпучих песков. От том, как, состарясь, супруги заранее вырыли себе в этих песках могилу, сколотили особую двуспальную домовину, а когда пришел последний час улеглись в нее, обнявшись, позволив пескам медленно засыпать их, пока от могилы не осталось и следа... Очень красивый и поэтичный рассказ, но муж вдруг напрямик рубанул, что рассказ ему не понравился, мрачно задумался, даже лицом почернел. Бог с ними с песками, успокаивала я его. Как-нибудь перебежмся, ты только пиши свою великую книгу! Но книгу он почему-то никак не писал. Лишь громоздил друг на друга тетрадки с заметками, называя их компостной кучей, – в том смысле, что, перебродив и перегнив, эта куча превратится в благодатную почву, из которой и произрастет нечто эпохальное. А я по-прежнему была наполнена поэзией! Прямо среди ночи начала говорить стихами – о центре мироздания, о нем, моем единственном и великом, о наших детях и себе самой, тихой сидящей на солнечном крылечке, погруженной в вечное летнее счастье. Иногда в нашей московской квартире я садилась за старенькое бабушкино пианино, брала несколько битловских аккордов. И будто открывала еще какая-то дверка. Жаль только, что он не понимал и не любил «Битлз». В такие минуты я чувствовала себя перед ним почти грешницей. Бережно и тайно хранила мои щемяще-печальные девичьи воспоминания о первой несчастной любви с богемным художником, к тому же битломаном, который, как я теперь понимаю, и переспал-то со мной лишь наполовину, а то и на одну четверть, но из-за которого (когда он меня бросил) я впала в жестокую депрессию и едва не отравилась снотворным. Он

уверял, что я подсознательно боготворю Леннона. Кстати, совсем недавно я слышала о моем художнике. (Впрочем, с какой стати «моем»??) Он неплохо раскрутился в области интимного дизайна, его квартира-студия забита битловскими раритетами, а жена – надменная монголоидная бабенка...

Итак, пока я дошла до местного рынка, жаркий летний день, как в лучшие годы, вливал в мою кровь чудесную жаркую отраву, от которой мои чувства и мысли уносились по знакомым тропинкам. Оставалось лишь робко надеяться, что, в отличие от юных дней, солнечный жар не заставит кровь свертываться, и ее сгустки не забьют мой бедный мозг, отчего у меня снова подскочит давление и вернется садистская боль в виске. Однако в моем положении одинокой и неприкаянной Степной Волчицы, мне не остается ничего другого, как мотаться по заброшенным пустошам памяти, стараясь не подходить близко к человеческому жилью, притягательному, но одновременно смертельно враждебному, жадно ловя ноздрями разнообразные ароматы этого иного бытия. Что ж, мне достаточно одних запахов, чтобы вырвать у боли и страдания краткий миг передышки и воспарить в экстазе одиночества – брошенная женщина, которая не смогла составить счастья своему супругу, – ну разве я не Волчица!?

Старые, затверженные мысли и образы, но каждый раз как будто совершенно новые. Подобно приступам боли, которая, утихнув, кажется привычной, но, вновь возвращаясь, кажется перевозданно свирепой. Я прошлась по торговым рядам, как на классическом восточном базаре, сплошь захваченному южными торговцами. Даже при входе наши местные бабки не торговали лучком и укропом. Когда я ходила по таким рынкам с мужем, то всегда опасалась, как бы в припадке бешенства и праведного гнева, которые у него иногда случались, он не схлестнулся с каким-нибудь нацменом, не ударил, пусть даже отвесив интеллигентски жидкую пощечину, а тут подбегут смуглые родственники торговца, заколют мужа, как глупого барана, кинжалами. Купила грушу. Обтерла гигиенической салфеткой и съела. Здесь я опять «девушка». Точнее, «дэвушка». Купила два персика. Съела. Странно, что одинокие женщины, поколения моих родителей, ездили за этим к морю. Теперь никуда и ездить не нужно. Интересно, захотел бы меня мой дешево прицокивающий языком продавец с вечной дурацкой золотой фиксой или ему нужно только продать мне помидоры? Захотелось помидорину. Огромную, прозрачно рубиновую и действительно шишковатую, как бычье сердце. Жаль, нет с собой соли. Купила и съела. А вот большое красное яблоко, прямо из Эдема, – как не попробовать, как не искутиться! Впиваюсь в него зубами, чувствую себя Евой, постигшей всю премудрость мира. А с другого лотка уж манят бананы. Такие увесистые, спелые. Только я, идиотка, почему-то всегда стесняюсь есть их прилюдно. Кажется, что снимаюсь в порнушке. Ну, это, конечно, уж чистые комплексы. Назло себе самой выбираю самый здоровенный, набрякший бананище и, краснея, съедаю его, не отходя от прилавка. Ай, молодец, дэвушка. Потом пришел черед ежевики, смородины и запоздалой и оттого безумно дорогой клубники. Зато почувствовала, что запаслась витаминами на ближайшие полгода. Вот только затылок вдруг отяжелел, а в виске подозрительно проскочила какая-то холодная искорка. Купив тыквенных семечек, я поспешно выбралась на задворки рынка и, впад в своего рода транс, некоторое время ходила под навесами тряпично-вещевых лотков, перебирая какую-то пляжную дребедень. В результате оказалась с дурацким пляжным ковриком в руках. Эдак я останусь без копейки! К счастью, что-то вытолкнуло меня с рынка, и я двинулась по пыльным улочкам нашего маленького городишки, застроенного, в основном, кирпичными прогнившими пятиэтажками и шлакоблочными угловатыми уродцами-магазинами с косыми витринами, позеленело-слепые стекла которых, похожи на заскорузлые аквариумы. Почему-то захотелось сметаны. Такой натуральной, густой сметаны, которой торговали вразвес в местном продмаге. А там – будь, что будет!.. Я свернула в переулок и пошла вдоль древней чугунной ограды, переплетенной тяжелой растительностью, с вросшими тополями, и каменными столбами, которые вот-вот рухнут. Рыхло-желтое полукруглое строение. Видимо, уродливо переделанная под клуб или горсовет церковь.

Вдруг прямо перед моими глазами возникла доска объявлений с прилепленным к ней небольшим вручную состряпанным плакатиком. Это у меня такая невротическая привычка – останавливаться и читать объявления. Я хотела напрямь волю и пройти мимо (и потом заслуженно вознаградив себя развесной сметаной). Увы. Несколько косых строчек, словно отделившись от плакатика, уже змеились в воздухе и тянули ко мне свои раздвоенные хвосты. Я вынужденно прочла:

*Спешите! В доме культуры
волшебная сказка
вход строго ограничен...*

Я машинально схватилась за ручку чугунной калитки, но калитка оказалась на запоре. Как ненормальная, я дергала ручку минуту или две, чувствуя, как меня охватывает небывалая грусть. Мой взгляд вернулся к плакатику, когда с него соскакивала последняя змейка:

*Т о л ь к о
д л я
б р о ш е н н ы х
ж е н!*

Хорошенькая вышла прогулка. Я стояла по колено в пыли и словно чего-то ждала. На самом пекле. Как меня только до сих пор не хватил солнечный удар? Про сметану я и думать забыла. Я шагнула в тень. Я пыталась ухватить за хвост ускользающую змейку-мысль. Всё было напрасно. В таком состоянии вообще было невозможно мыслить. Только сейчас до меня дошло: я безумно хотела присесть «по-маленькому». Это бывает. Это всё нервы. Тем не менее, до дома не дотерпеть, ни на рынке, ни на станции – ни одной уборной. Или хотя бы одной дурацкой платной будки. Рядом, на убитой, лысой лужайке, до физически ощущаемого смрада, пискляво сквернословили местные «пацанчики», рассевишиеся рядком на корточках, как по нужде, под покосившейся перекладиной футбольных ворот... Господи, какая чепуха! Оставалось либо шмыгнуть в кусты, либо... В конце переулка я увидела вывеску питейного заведения «ВСЕ СВОИ». Типа ресторана. Наверное, для местных «пацанов». Там наверняка должен быть туалет. На западе это в порядке вещей – если приспичит, каждый может завернуть в ближайший ресторан. Они так и выражаются: «Мне надо в ресторан!» Решительными шагами вхожу под козырек и натываюсь на сонного официанта. «Чего изволите?» – интересуется он и кивает на доску-меню, на которой какие-то каракули мелом. «Суши». «Сакэ». Они что, смеются? «А рислинг у вас есть?» – спрашиваю. Для вас найдем. Отлично. А где у вас можно руки помыть? «То есть туалет?... Вон та дверь!»

Когда я вернулась, на столике действительно стояла бутылка молдавского рислинга. Видно, сбегали в соседнюю палатку специально для меня. Официант, держа левую руку за спиной, наполнил мой бокал. По его виску, несмотря на гудение кондиционера, катилась капля пота. Он вытер ее быстрым движением плеча. «Что-нибудь еще?» Я замотала головой. Он кивнул и отошел к двери. Ах, как горько я жалела, что мне так и не удалось проникнуть за чугунную калитку, где обещали волшебную сказку для брошенных жен!

Я держала в ладонях бокал и глотала теплый, дерущий горло рислинг. Дался мне этот рислинг! Куда с большим удовольствием выпила бы бутылку ледяной «кока-колы». Но неловко было снова звать официанта, которого я только что отпустила. Я машинально вытерла плечом каплю пота, катящуюся по виску. Опьянение наступило мгновенно. «Будьте добры!» – позвала я официанта. В конце концов, ведь это их работа. «Еще бутылку „кока-колы“, пожалуйста. Есть холодная?» Он кивнул и принес «кока-колу». Я уже успела осмотреться. Как ни странно,

мне здесь понравилось. Всего пять столиков, в глубине маленький бар. Никаких «пацанов». За дальним столиком сидели трое восточных мужчин и играли в нарды. За столиком у окна две женщины моего возраста действительно ковыряли суши. Наверное, из местной элиты, бизнес-вумен. А может быть, местные гетеры. Или, просто дуры, вроде меня, зашедшие в ресторан по оказии. Несомненно, в этом дешевом провинциальном кабачке ощущалось присутствие некоего магического свойства – полное забвение времени. И я, конечно, поддалась на эту уловку. Слишком сильным было искушение хотя бы на некоторое время выпасть из нисходящей спирали моих болезненных перерождений. Пусть обман, пусть иллюзия. Я также вдруг вспомнила, что вот уже несколько дней толком ничего не ела. Я с радостью приветствовала голодные спазмы в желудке, как добрых вестников, зовущих к новой жизни. «Будьте добры!» Я выяснила, что не так уж все подозрительно в этом заведении: суши заказывают и привозят из гигантского торгового центра на МКАД, прямо в фирменной упаковке, с палочками, пакетиками розовыми лепестками жгучего имбиря, зеленого хрена, соевым соусом и прочим. Очень хорошо. Я заказала тунца, угря и кальмара. Вероятно, для какого-нибудь японца это такая же проза, как для нас сосиска с макаронами. Вот только сомнительно, чтобы наша сосиска с макаронами была способна вызвать у японца аллаверды – прилив поэтического чувства, подвигнуть к написанию хокку или танки. Поймав себя на этих мыслях, я саркастически рассмеялась: вот что делает молдавский рислинг с такими степными волчицами, как я.

Теперь я с удовольствием прислушивалась к глупой болтовне дамочек за столиком у окна. «Пусть считает меня конченной сучкой, но он и двух раз в неделю не заслужил...» Счастливые! Странное дело, рядом с ними я чувствовала себя не такой уж потерянной и одинокой волчицей. Как несчастная черная дыра, я жадно впитывала их энергию. Мне даже послышалась, что где-то заиграла чудесная музыка – торжественные, широкие ленноновские аккорды. Я внутренне расхохоталась: будь лучше волчицей, чем сучкой! Или лучше сучкой? Слава Богу, я могла себя контролировать. Словно почувствовав мое внимание, дамочки недовольно покосились в мою сторону. Это и понятно: какая-то тетка норовит подслушать их интимную беседу. Я вежливо кивнула и отвернулась. Мне и так было хорошо.

Возможно, это случилось в детстве, когда я перестала быть русалочкой. Я вдруг поняла, что девочка – это маленькая женщина. Как маленькая березка – это все-таки береза. Нет, я не хотела бы жить в холодном и сыром подводном царстве, в омутах и заводах, собирая с поверхности кувшинки и лилии, плетя из них венки, выходя на берег лишь раз в год. Я поняла, что люблю всё русское, раздольное, привольное. Какая радость крутить педали по солнечным лугам! Какое счастье вдвоем ломать каравай горячего хлеба, хоть и не хлебом единым жив человек! Какая гордость любоваться своим мужчиной, который с топором в руках сидит верхом на стропилах крыши, словно ветхозаветный Ной на своем Ковчеге. Я была готова плыть с ним, куда угодно. И плыла. А в нашем русском ковчеге нашлось место и для наших детишек, детенышей, и для приبلудившегося котенка с обрубком-хвостом, и для хромого на заднюю лапку песика. Какая нежность охватывается меня при одном воспоминании обо всем этом! Пусть вокруг ураганы-бури, мы отсидимся в добром и пахучем нутре нашего ковчеге. Пока другие, натянув на себя хоботы противогазов, издыхают в зловонных пыльных городах, мы будем жевать сушеную чернику и заваривать морковный чай. Ни аллергий, ни неврастений. Случается, на иную женщину нахлынет – хочется просто чувствовать себя самкой. Но Степной Волчице, которая и есть самая что ни на есть самка, никогда не придет в голову мечта о том, чтобы почувствовать себя женщиной... Теперь мне кажется, что ничего этого не было. Что это был всего лишь сон Степной Волчицы. Будучи зверем, он просто не могла понять, что всё это значит. Как человеку лишь в видениях приходит знание о непостижимом Боге, так Степной Волчице мерещилось и бластилось о человеческом житье-бытье...

Спохватившись, я с опасной измерила взглядом содержимое моей бутылки. Боже мой, я выпила чуть не половину! Довольно, не то не знаю, что со мной будет. Какое странное

сочетание – Джон, битлы, рок-н-ролл и русский ковчег. Какая вопиющая, несусветная эклектика! Но мой художник объяснял, что только в России это и могло зажить настоящей жизнью. Подобно тому, как дремало в младенчестве христианство, пока не возродилось в русском Православии. Художник рассказывал, как один его знакомый хиппи ушел в монахи-звонари, и теперь на Рождество вызванивает мотивы «Let It Be». Я внимала объяснениям моего художника, и мне чудилось, что я, Степная Волчица, бегу по русским равнинам, ловя ухом эту пронизывающую всю землю звуковую волну. У-ум-м-м!.. О-ом-м-м!.. Как камертон. Нечто подобное я где-то читала.

Я вышла из кабачка в превосходном расположении духа, хотя и потратила практически все деньги. Удивительно, сколько человек может выпить и съесть. Но куда теперь?.. От одного намека на этот вопрос даже посреди жаркого летнего дня на меня повеяло могильным холодом. Я видела такие изящные композиции – из перьев, цветов, морских водорослей – когда по какой-то хитроумной технологии хрупкие и нежные предметы помещают в стеклянный шар, где при сохранении всей иллюзии своей хрупкости, они абсолютно неподвержены никаким воздействиям, как муха, застывшая в куске янтаря, могут сохраняться вечно... Ах, как бы я хотела быть такой мухой! Вернее, чтобы мою душу, едва-едва озарившуюся этим робким проблеском счастья и надежды, можно было законсервировать, как предметы в хрустальном шаре.

Стало быть, спешить некуда. И, по большому счету, некуда идти. Дойдя до окраины городишки, где начинались грязные свалки и вонючие болотца с черной гнилой водой, еще дальше кладбище, я повернула назад. Снова из-за заборов, шевеля тяжелой листвой, начали ломиться яблони и груши. Малинник опутан паутиной. Магазины и лавки оказались закрыты, и я обнаружила, что солнце уже почти провалилось за холмы. По двое, по трое стали попадаться смурные алкаши с испитыми до черноты лицами. Я казалась себе человеком-невидимкой. Точнее, волчицей-невидимкой. Затрещали примитивные электронные трещотки, замелькали разноцветные огоньки. Бок о бок с кабачком, где я сидела днем, обнаружился зал игровых автоматов. Около каждого однорукого бандита толпились бедно, если не нище одетые люди, вроде пенсионеров. Хорошо бы выиграть миллион долларов и... отравиться на Гавайи. Мелькание и звуки казались все более неприятными. Я поспешно свернула в переулочек – в поисках калитки, где я видела столько заинтриговавшее меня объявление. «Вход строго ограничен». Более того: «Только для брошенных жен». Никаких следов. Чудесные змейки давно разбежались. О Господи, как душно! Я присела на каменное основание чугунной ограды, пытаюсь определить, действительно ли откуда-то доносится музыка или она играет у меня в голове.

Вдруг по переулочку запыхала какая-то рыжая баба-разносчица с тележкой, толкая ее впереди себя толстым животом. Я испуганно поджала ноги – такой грубый и решительный был у нее вид, казалось, сейчас нарочно отдавит мне колесами пальцы. Пачки газет и журнальчиков, довольно истрепанных после дневной торговли, были уложены кое-как в пухлой картонной коробке и перехвачены резинками. Астрологические сонники, сборники кроссвордов, железнодорожное расписание. В следующее мгновение баба резко затормозила и, раскорячив поросычьи ноги, застопорила тележку. Выдернув откуда-то сбоку свернутый в трубку плакатик, она развернула его, как разворачивают свиток или грамоту, и прилепила на калитку. Я изумленно взглянула на плакатик.

*...волшебная сказка...
вход строго ограничен
только для...*

– Прошу вас, одну минутку! – обрадовавшись, как ребенок, закричала я, вскакивая. – Это когда, это где? Это что за сказка?

– Оно вам надо? – равнодушно буркнула баба, наддала животом свою тележку и потопала дальше. Мало ей было дневной болтовни. Разговоров на рубль, барыша на копейку. В поездках торговать и то прибыльнее.

– Умоляю вас! – продолжала кричать я, пытаюсь забежать впереди тележки и заискивающе улыбаясь. – Мне нужно... железнодорожное расписание, сборник кроссвордов и...

Я лихорадочно рылась в сумке. Не сбавляя ходу, торговка выхватила из коробки какую-то брошюрку и молча сунула мне. Я машинально взглянула на обложку, чтобы прочесть название. Шрифт был какой-то невообразимо наляпистый, а мелкий подзаголовок я прочесть не смогла, поскольку уже было довольно темно, да и очков у меня с собой не было. Когда я снова подняла голову, баба уже громыхала где-то в конце переулка, потом нырнула за угол и пропала.

Усталость навалилась на меня, как мертвое тело. Я чувствовала, как в виске разгорается боль. Если я поскорее не закидаюсь своим патентованным болеутолителем, мое дело дрянь: придется адски мучиться до утра. Поэтому, не теряя времени, я сунула брошюрку под мышку и, проскакав сквозь совершенно обезлюдивший пристанционный рынок, где лишь несколько шелудивых собак лениво рвали какие-то куски, побежала к дачам. Я сконцентрировалась только на том, как доберусь до стакана с парой шипучих таблеток, как упаду в креслице, крепче обниму себя руками за плечи, даст Бог дождусь облегчения, чтобы включить ноутбук и, засев за работу, погружусь в психопатологию, черную неврастению, если не шизофрению, какой-то другой одинокой женщины, которая так чудесно умеет складывать слова, что притягивает к себе тысячи и тысячи таких же мрачных шизофреничек, как сама, – теперь и у нас, в России. Моя единственная благородная цель и задача – придать этому потоку большого сознания добрый и поэтический колорит.

Хозяйка мило заулыбалась, принялась уговаривать меня попить чайку со свежими пенками от варенья, но я лишь жалобно улыбнулась и шмыгнула наверх в свою светелку. Было очень жарко. Я сбросила с себя абсолютно всю одежду, жадными глотками, словно это был прекрасный охлажденный пунш, осушила стакан с растворенными в воде таблетками, устроилась в кресле и, почувствовав, что и на этот раз мне удалось обмануть мигрень, потянулась к сумочке и, надев очки, взяла в руки брошюру, которая напомнила мне самиздатовские книжонки нашей молодости. Я глазам своим не поверила, но она и впрямь была озаглавлена: «Онтология Степной Волчицы».

Забыв обо всем на свете, я уже не отрывалась от чтения, пока не проглотила всё единым духом.

ОНТОЛОГИЯ СТЕПНОЙ ВОЛЧИЦЫ

Только для брошенных жен

Жила-была некая женщина по паспорту Александра Степанова, а по душе Степная Волчица. То есть, хотя сосцов у нее было не шесть пар, а волчья шерсть сохранились лишь в интимном уголке, по своей истинной природе она была именно волчицей. Правда, для волчицы она оказалась настолько смыслена и чувствительна, что усвоила множество чисто женских приемов и фокусов. Однако не научилась одному: обращению с мужчиной. Много-много лет она жила с мужчиной под одной крышей, наивно и беззаветно веря, что в этом человеческом мире оба они – одной, волчьей крови и что различить их может только смерть. К тому же, они растили двух чудесных детенышей – настоящих волчат, точь-в-точь отец. Стоит ли говорить, что, кроме него (кого всегда почитала своим идолом и безграничным властителем) она не признавала никого другого. Ничей авторитет, кроме мужского, естественно, не принимался ею в расчет. Даже когда родная мать пыталась втолковать ей, что ее супруг никакой не волк, разве что пес, кобель и собака. Даже после ухода мужа она обижалась и не хотела ничего слышать, что супруг, может быть, не только не волк, не мужчина, а вообще неиз-

вестно кто – баба какая-то, самая последняя дрянь и тряпка. Недаром он сам рассказывал, что ему снилось, что он женщина и что с ним совокупляется мужчина. Даже оргазм испытал, бесстыдник. «Он же отец моих детей, мамочка, – тихо говорила Александра. – Мы же восемнадцать лет прожили вместе, мамочка!» Но мать продолжала ворчать: «И не знали, что он дрянь!..»

Самый модный женский психоаналитик и семейный психотерапевт не смог бы докопаться до корней: была ли волчья сущность Александры Степановой результатом воспитания, самовнушения или душевного нездоровья. Тем более что в детстве девочка не ощущала себя ни волчицей, ни женщиной – просто русалочкой. Конечно, всегда найдутся умники, которые с апломбом объяснят всё на свете, – в том числе, про злосчастных супругов, но наша Степная Волчица, вежливо выслушав их, останется к этим объяснениям абсолютно безразлична. Как известно, и самому искусному дрессировщику не по силам превратить волчицу в женщину.

Таким образом в Александре Степановой уживались две сущности – волчья и женская. Совсем как в тех дешевых триллерах про оборотней, которые, ради куска хлеба, она переводила много лет. Впрочем, в народе давно известно, что в каждой женщине присутствует какой-то зверь – хорошо еще если рыбка или мышка, курочка или козочка, собака или кошка, – а как если змея, ехидна или «Черная Вдова»? Многие женщины не только не испытывают от этого никаких неудобств, но весьма умело пользуются этими своими скрытыми сущностями, достигая с их помощью чисто бытовых преимуществ. Опыт показывает, что по большей части женская и животная сущности отлично ладят друг с другом.

Справедливости ради, надо заметить, что наша Степная Волчица время от времени прилагала немалые усилия, чтобы окончательно и бесповоротно превратиться в женщину. В ход шли парикмахерские, салоны модной одежды, диеты, благовония, журналы со статейками на тему сексологии, а также бассейны. Иногда даже создавалась иллюзия, что эксперимент закончился успешно, и волчица превратилась в женщину. Или по крайней мере в наседку. Волчица выжидала и смотрела на эти потуги с ехидным оскалом. В конце концов косметика, глупые побрякушки, модные тряпки никогда не могли занять в ее жизни сколько-нибудь уважаемого места. То есть в глубине души Александра Степанова оставалась глубоко равнодушна ко всем хитростям и уловкам женского племени. Животный запах, шерсть, пот, слюна, секреты – вот, во что она по-настоящему верила. Кстати, чего никогда не удавалось Александре Степановой, так это обзавестись таким незаменимым элементом гармоничного женского существования – как парой-тройкой женщин-подруг. Тут уж волчице не удавалось отсидеться в засаде – все потенциальные женщины-подруги в ужасе разбежались, едва почуввав в ней патологическую, как бы вечно текущую самку, единственный инстинкт и программный интерес которой сосредоточен на избранном ею самце и своей норе. Какая подруга способна это вынести? Да и к чему волчице подружки – с их смешной бабьей трескотней? Ее непоколебимая вера состояла в том, что единственный, неповторимый божественный супруг, с его уникальным запахом, за которым она была готова бежать на четвереньках, всегда пребудет рядом.

Делало ли это Александру Степанову несчастной? Как мы предполагаем – несколько. За исключением нескольких моментов, о которых мы, возможно, еще упомянем выше, годы супружеской жизни представлялись ей верхом счастья самки. Конечно, будучи настоящей степной волчицей, она не могла не замечать, что для волка (а может, и для человека) супруг был, как бы это сказать, черств и холоднокровен. Не в меру, а главное, не к месту чувствителен и рационален. Он никогда не выл вместе с нею на луну, не обнюхивал ее и детенышей, не хотел нежиться спина о спину в норе, а случись ей занедужить, вывихнуть лапу или ободрать бок, не выражал готовности таскать в их нору добычу или хотя бы лежать около нее до издыхания. Однако в те далекие времена, когда волчица училась быть девушкой, а затем

женщиной, она усвоила одну штуку, оказавшуюся впоследствии чрезвычайно полезной именно в такие моменты – то есть когда, глядя на мужа, ее инстинкт волчицы был готов уступить чисто человеческим сомнениям. Такой штукой стала Поэзия.

Невероятно, но факт – наряду с грубо-животным мироощущением волчицы, в Александре Степановой укоренилось пристрастие к стихосложению, – и над каким-нибудь стихиком она была готова выть и плакать так же, как над своим супругом-самцом и детенышами-волчатами. Все женские сомнения и проблемы, которые так или иначе окружали живущую среди людей волчицу, Александра научилась переплавлять в романтические стихи. Воспользовавшись сугобо человеческой уловкой, Степная Волчица обнаружила, что всю пугающую ее человеческую реальность можно как по волшебному мановению превращать в безобидные абстракции – иероглифы, рифмы и метафоры, – то есть там, где, с одной стороны, давала себя знать ее собственная женская несостоятельность, а с другой – колола глаза несостоятельность супруга как мужчины-самца. Научившись в пору юности у людей удивительной магии самообмана при помощи так называемых культуры и искусства, волчица использовала их в трудные моменты жизни (совершенно так же, как обыватель, не понимая электричества, отлично пользуется бытовой техникой). Помимо поэзии, в этот шаманский арсенал входили кинематограф, живопись и музыка. В высшей степени странно для самой Александры Степановой было наблюдать, как Степная Волчица благоговейно и чинно внимает музыке Битлз или заворожено смотрит на экран, где оживают затейливые образы Феллини.

В общем, при всей невероятности такого симбиоза двух разнородных сущностей Александра Степанова и Степная Волчица иногда неделями и месяцами вполне мирно сосуществовали: женщина оставляла свои маниакальные попытки выдрессировать, превратить волчицу в модную дамочку, а волчица равнодушно смотрела на женщину, которой в другие моменты она бы просто перегрызла горло. Так или иначе обе понимали, что каждую минуту находятся на грани самоуничтожения.

На первый взгляд может показаться, что случай Александры Степановой исключительно редкий, экзотический, что степная волчица в женской плоти одна на миллион. Однако если бросить беспристрастный взгляд на супружеские пары, а главное, не дать ввести себя в заблуждение искусственно усложненными схемами и импозантными конструкциями самолюбивой науки психологии, легко заметить, что множество женщин лишь по необходимости и словно через силу следуют нормам современной гламурной цивилизации, созданной именно для того, чтобы выдрессировать (а лучше убить) в женщине волчицу, или по крайней мере извратить, приглушить ее природные инстинкты, внушить ей отвращение к собственному, корневому «я». Стихийные бунты женщин-феминисток за последние двести лет, еще не осознавших своей истинной цели и стремлений, свидетельствуют о пробуждающемся самосознании степных волчиц. Мужчины, которые по своей природе были настоящими степными волками и которым посчастливилось отыскать своих идеальных избранниц, сумели не только в полной мере реализовать себя, но и внести огромный вклад в святое дело освобождения своих подруг. Таким великим и убежденным феминистом новейшей истории был Джон Леннон, один из первых мужчин, нанеший сокрушительный удар по системе подавления степных волчиц и на художественно-теоретическом уровне вскрывший суть этого ужасного подавления. В своем обличительном шедевре «Женщина – это негр в современном мире» он сорвал маску с мужчин-дрессировщиков, во всеуслышание прокричав, что отнюдь не по своей воле степные волчицы вынуждены «красить лица и танцевать». Недаром, до сей поры все известные Кутюрье – мужчины. Как ни парадоксально, но в нашем так называемом «феминизированном и свободном» мире именно мужчины (сколько бы они не прикрывались своей нетрадиционной ориентацией) диктуют законы моды во всех областях – одежде, косметике, сексе, самом образе жизни женщин. Даже столь желанный и сакральный акт совокупления превращен в подобие опереточного номера или циркового аттракциона, а само воспоминание о природной

позе на четвереньках, единственной позиции в которой степная волчица может почувствовать себя счастливой, погребено под обломками пресловутой «Камасутры» – этим троянским конем, изобретенным и продвинутым в культуру ни кем иным, как мужчинами-жрецами.

То, что наша Степная Волчица, заключенная в женской плоти, не есть просто красивая метафора или фигура речи, подтверждается некоторыми особыми свойствами, которые отличают женщин одного типа от другого. Это своего рода пристрастия и привычки, которые, как трава через асфальт, пробиваются несмотря ни на что. Начать с того, что время суток, когда Степная Волчица чувствовала себя абсолютно в своей тарелке, – это часы от заката до рассвета. Только с наступлением темноты мир переставал казаться ей враждебным и омерзительно голым. Если бы не необходимость, она бы весь день отлеживалась в постели. В самом деле, гости часто наблюдали ее в этом положении, когда, извинившись и сославшись на то, что ей всю прошлую ночь ей пришлось работать, она просила их не обращать на нее внимания, чувствовать себя, как дома, а сама свертывалась калачиком на кушетке, завернувшись в одеяло и накрыв голову подушкой, да еще заткнув уши специальными затычками, не реагировала ни на какой шум и гам, словно впад в анабиоз. Кроме того, так называемая социальная жизнь была ей по большому счету абсолютно безразлична. Обладая всеми задатками приятной и коммуникабельной дамы, а также ответственностью трудолюбивой сотрудницы, всегда достигающей максимума профессиональной компетентности, она бы никогда не пошла работать куда-нибудь в офис или контору. К развлечениям, вроде походов в театр, ночных клубов, ресторанов, она была также равнодушна. Как для Волчицы, мир для нее ограничивался своей квартирой-норой, главным и единственным признаком которой было наличие в ней супруга. Даже не самого супруга, а хотя бы его запаха. Кажется, даже ее зрение, как зрение волка – мутное, не сосредоточенное, черно-белое, различало лишь общие, приблизительные очертания мужа – родной особи, с пронзительно родным запахом и консистенцией. Как для волчицы безусловной потребностью и радостью является добывание пропитания, ради которого та многие версты могла без усталости рыскать по окрестностям, так и для нее такой же безусловной потребностью и радостью была ее работа. Как волчица, не отличающаяся особой разборчивостью в добыче – пойдет и зайчик, и кабанчик, ужик и ежик, – так и она бралась переводить все то, за что платили хоть какие-нибудь деньги, – и не важно, сколько «верст придется рыскать по окрестностям». С такой же неутомимостью она потом бегала по многочисленным заказчикам, смиренно собирая гонорары. К сожалению, последним, в отличие от переводов, приходилось заниматься в дневное время. Как уже было сказано, если бы не необходимость выглядеть соответственно требованиям и эталонам «приличного общества», в котором она жила, Степная Волчица и не подумала бы прибегать ко всем этим утомительным и, к тому же, дорогостоящим ритуалам, которые составляют смысл и цель жизни современной женщины – окраска волос, прически, маникюр-педикюр, наряды, обстановка в квартире и так далее. Поэтому еще одной ее отличительной чертой являлось стремление к простоте. Будь ее воля, она бы ходила в простой холщовой рубахе и грызла сырое мясо, то бишь вполне удовлетворялась полуфабрикатами, вроде сосисок и картофельного пюре. По большей части так по-простецки, без прихотей она и прожила все долгие восемнадцать лет со своим супругом-литератором.

Таким образом большую часть жизни две совершенно разные сущности – волчицы и женщины – сосуществовали в одном теле, не вступая в открытый конфликт, который мог закончиться для Александры Степановой самым трагическим образом. Нечто похожее наблюдается в животном мире, когда хищники, оказавшись в тисках наступающей со всех сторон цивилизации, до последнего приспосабливаются и скрываются, уступая и пасуя перед мощью пороха и железа, маскируясь, мутируя, уходя в своеобразное подполье. Исключение составили

два эпизода, когда наша Степная Волчица находилась в шаге от самоуничтожения. По-простому говоря, самоубийства.

Первый раз это случилось в туманной юности. Первым и, может быть, единственным человеком, распознавшим в девушке-русалочке волчицу, был ее отец. Представив, что ждет его дочь, если та с самого начала не сможет уничтожить в себе эту животную сущность, он решил выступить в роли укротителя – со всей энергией своего жесткого, бескомпромиссного нрава. Это случилось в пору, когда юная Степная Волчица, как ей показалось, отыскала свой идеал – нору и самца – уже стареющего художника-битломана, хозяина богемной студии-мастерской. Будучи человеком военным, более того, некогда состоявшим в органах госбезопасности, отец по старой памяти нашел средства и способы воздействия на художника – так, чтобы у последнего напрочь отпала охота совращать малолеток. В результате девушка с нервным срывом, кончившимся тем, что она попыталась отравиться снотворным, на несколько недель оказалась прикована к больничной койке. Ей еще относительно повезло – художник и правда оказался на поверку жидок, никак не Волк, начал объяснять ей на теоретическом уровне, что они не пара, что у них разные интеллектуальные и культурные ниши, – словом, не успев влюбиться, она быстро разочаровалась в своем художнике. Что ж, тот же психоанализ учит, что истинные мотивы женского самоубийства прочитываются даже в способах, который женщина выбирает. Отравление есть замаскированное желание забеременеть. Утопиться – быть беременной. А броситься с высоты – родить ребенка... Как бы там ни было, это был первый прецедент, когда на волю был выпущен демон самоубийства, и Степная Волчица ощутила, что, загнанная женской сущностью в угол, она способна и готова покончить с собой, – как загнанный хищник, вопреки инстинкту самосохранения, способен броситься в огонь или с высокой кручи вниз.

Во второй раз злоеущий демон самоубийства искушал ее спустя две недели после того, как от нее ушел муж. Она выложила мужу неопровержимые доказательства измены, да тот, собственно, не особенно и скрывал, – наоборот, поскольку считая себя потенциальным гением и нобелевским лауреатом, а кроме того, приступив к написанию соответствующего литературного шедевра, решил, что не обязан стесняться себя обывательскими предрассудками морали и совести, – достаточно всемирной любви. Собственно, как большинство мужичин, он не собирался ее бросать, да в принципе мог бы и не уходить. Он даже предложил ей жить во всеобщей любви «всем вместе» – ну на манер восточного гарема или семьи хлыстов-молокан. Общие дети, общие жены и так далее. Был же, объяснял он, даже у древних евреев такой праздник раз в году, когда все набивались в одну такую большую бочку с водой и устраивали там свальную оргию, а у них, мол, – одна из почтенных мировых религий. А мы, говорил, построим семью нового счастливого будущего – как мечтали прогрессивные Фурье и Кампанелла. Его можно понять: до сорока пяти лет он не знал, что такое минет. (Хотя ему было известно как минимум четырнадцать синонимов для английского «блуджоб»). Ничего не знал, но новая женщина, к тому же, как он гордо заявил, с огненными чреслами, такое с ним выделяла...

Поначалу Степная Волчица пришла в ужас, представив, что ее нора и в самом деле может лишиться родного запаха и консистенции, чуть было не согласилась на его предложение о построении прогрессивной семьи светлого будущего. Но Господь уберег. Вместо этого вдруг испугалась и, неожиданно обратившись в самое истинное Православие и покрестившись, поставила вопрос ребром: или-или. Супруг с готовностью подыграл, сделал вид, что вынужден уступить «ее решению». То есть попросил собрать узелок в дорогу, заявив, что ни ее, ни детей тем не менее в беде не оставит. Свободна, мол. И был таков. Вдогонку она лишь успела бросить ему, что готова принять его днем и ночью – лишь бы только он одумался. (Справедливости ради, нужно заметить, что он разводиться не спешил и действительно обещал подумать.)

Итак, если ее душа была несомненно спасена, то ее разум находился в огромной опасности, поскольку с того самого момента Степная Волчица стала жить мечтой о возвращении супруга, который раз-другой в месяц наведывался к ней – во-первых, проведать детей, а во-вторых, по его собственным словам, «будучи человеком интеллигентным», «понижить градус кипения ситуации». Общие знакомые исправно докладывали ей такие новости о муже, которые рвали сердце. Лучшие бы она вообще ничего не знала. Тогда можно было бы представить, что он не у любовницы, а где-нибудь одинокий, жалкий, больной мыкается по вокзалам, а может быть, даже в горячке погибает в какой-нибудь канаве. Она уже представляла себе, как рыщет по городу, приюхивается, ищет, ищет родной запах. Но ничего подобного – вдруг объявлялся живым и здоровым. Хуже всего, что в ходе своих визитов, энергичный и вполне счастливый, он продолжал объяснять ей про «огненные чресла» новой избранницы, а также про то, что, наконец, обрел «свое тело». По утрам, дескать они, интенсивно занимаются любовью, а потом не менее интенсивно беседуют о возвышенных предметах – литературе, поэзии, философии. «Я всё поняла, я извлекла уроки, только возвращайся!» – умоляла она. «Ты думаешь, я вернусь, чтобы помереть с тобой в двухспальной песочной могилке? – хихикал он, словно мстя за „потерянные годы“. – Ишь чего захотела! Да я живу такой шикарной и насыщенной жизнью, что мне завидуют все наши знакомые!» Она смотрела на него и не верила собственным глазам. Уж не тронулся ли он рассудком? Как может он говорить такие вещи ей – его верной Степной Волчице, матери его детенышей? Ах, как она ненавидела его в эти мгновенья!.. Но, странное дело, стоило ему только шагнуть за порог, как животный инстинкт, а, точнее, безусловный рефлекс брал верх. Ей снова грезилось, что ее верного и благородного супруга-волка злые люди приманили, опоили какой-то подлой отравой, ждала-надеялась, что вот-вот загремит в замке ключ и он вернется к ней... Забывала есть, пить, спать. Потом начинала размышлять о самоубийстве. Потом бежала в церковь, каялась, причащалась. Потом снова думала о самоубийстве. Выходя на балкон, чувствовала себя Волчицей, загнанной на высокий обрыв. Ей не остается ничего другого, как прыгнуть в распахнутую бездну. Так в примитивном волчьем сознании вдруг мелькает радостная картинка, что там, в темной бездне – она вдруг мягко приземлится на все четыре лапы, в новом блистающем мире, отряхнется и – понесется во весь дух по широким степям навстречу своему верному Вечному Супругу. А то, что эталоном в поэзии для нее всегда была упадническая Цветаева, сначала обращавшаяся к Богу, а потом все-таки наложившая на себя руки, только подтверждает наши предположения. Казалось, только страх совершить смертный грех удерживал ее от последнего шага. Однако и это не так.

Дело в том, что женщина, в которой живет Степная Волчица, в принципе не способна воспринять православную христианскую веру в качестве единственного и непоколебимого основания в жизни, – ведь в ядре ее души даже не язычество, а нечто нечеловеческое, волчье – то есть животное и принципиально материалистическое. Самец-мужчина, как всемогущий идол, непререкаемый авторитет ее темной, звериной сущности, единовластный хозяин ее звериных инстинктов. Однако то здоровое и естественно-звериное, что притягивает зверя, человеку кажется психического патологией. Что касается самой Александры Степановой, то, будучи Степной Волчицей, она была также высоко интеллектуальной особой и прекрасно понимала эти сложные вещи. Другими словами, в глубине души она честно признавалась себе (даже каялась в этом на церковной исповеди), что если до сих пор не наложила на себя руки, то единственно потому, что, наверное, еще не была загнана до последней степени. Молодой священник с явным неодобрением и даже раздражением выслушивал такую интерпретацию происходящего и, не желая понимать ее поэтических метафор, прерывал ее путано-горячую речь, решительно заявлял, что если кто и смущает ее, то никакой не волк, а он, бес – всегдашний мерзкий и лукавый враг рода человеческого.

А между тем, ведь и в самом деле – с формальной точки зрения ушедший к любовнице супруг не только не стремился внести в их отношения определенность, – напротив, всем своим видом старался показать, что последнее слово за ней, а он, может, только «погулять вышел». Ни тебе развода, ни дележа имущества. Впрочем, в таком его поведении не было ничего доселе невиданного и вопиюще вероломного. Не нужно быть закланной феминисткой, чтобы трезво смотреть на современных мужчин, которые никак не тянут на роль мощных вселенских богов, – в лучшем случае, карманных божков. Если и решаются оставить женщину, то делают это всегда как-то половинчато, двусмысленно, не в коем случае не сжигая за собой мостов, чтобы, если понадобится, быстренько дать задний ход, в глубине души искренне считая брошенную ими женщину своей безусловной собственностью – раз и навсегда «помеченной территорией». Ведь это она его обожествила, сделала своим кумиром – все эти годы почитала верным и надежным волком-самцом. Быть «помеченной территорией» – разве это не высшее счастье, к чему ее вели все ее животные инстинкты?.. Увы, в этом смысле она если и не была слепа (а уж глупа точно не была), то все прожитые вместе с мужем годы шла на сознательный и откровенный самообман. Даже и теперь самая уничтожающая критика лишь на короткое время могла замутировать тот драгоценный и родной, хотя и ни в малейшей степени не соответствующий реальности образ самца-мужа. Она могла бы воссоздать его из любого пепла, даже по одному запаху. И теперь ни за какие земные и небесные сокровища не рассталась бы со своим маленьким волчьим божком, – который, как уже было сказано, был для нее, конечно, не маленьким, а громадным и единственным, затмевающим все иные человеческие идеалы и ценности. В конце концов, что такое для Степной Волчицы самообман – как ни единственно возможное миропонимание, построенное не на логике и разуме, а на примитивных животных инстинктах? Волчица не способна рассуждать, но женщина, сосуществовавшая с ней в одном теле, в какой-то момент с содроганием призналась себе, что в тот день, когда муж прямо объявит ей, что между ними все кончено, что они должны развестись, поделить квартиру, имущество, а он женится на той другой женщине, она действительно окажется загнанной в угол – и тогда...

Наша Степная Волчица шла своими тропами – целиком отдаваясь темным инстинктам, – и это привело ее на грань самоуничтожения... Она не была способна стать мученицей – потому что в прямом смысле не могла обзавестись даже персональным мучителем. Поскольку бывший муж по большому счету был негоден даже на это.

Теперь, когда феномен происхождения Степной Волчицы, а также суть ее поведения в экстремальных ситуациях, более или менее очерчены, мы можем перейти к анализу ее взаимоотношений с окружающей средой, а главное, ее вклада в нашу цивилизацию. Интересно, что ее отношение к окружающему миру, к его событиям и коллизиям – есть абсолютное равнодушие, – если, конечно, они не затрагивали ее непосредственно. Даже если внешне она выражала весьма бурные эмоции – по поводу ли экономического кризиса, политических скандалов, атак террористов, – то в ее душе, занятой лишь божком, не всколыхнется ни единая струнка. Однако ее влияние на мир, осуществляемое через мужчину, несомненно и сильно. А учитывая, что Степные Волчицы отнюдь не исчезающий вид, а составляют весьма значительную популяцию, то это влияние и подавно громадно. И, увы, разрушительно. Почему наше общество до сих пор поражено самым отвратительным мужским шовинизмом пополам с нелепой обломовщиной? Почему ретроградные идеи сыплются как из рога изобилия, а прогрессивный феминизм буксует? Именно благодаря степным волчицам. Именно они, как ни парадоксально, – главное препятствие здоровому развитию мужчин.

Проблема заключается в следующем. Рядом со Степной Волчицей мужчина чувствует, что все человеческие и гуманистические идеалы, достижения духа и прогресса, принципы, заветы – всё может быть в миг предано забвению – ради животного инстинкта самки. Степной Волчице важно одно – чтобы тот, кого случай послал ей в самцы, всегда находился при

ней. Если он рядом, она в принципе готова позволить и простить ему все – вплоть до свального греха в грязной бочке. Мужчинам, если так можно выразиться, «выросшим и воспитанным» в норе Степной Волчицы (то есть тем, что долгие годы, сами того не ведая, состояли в браке с описываемым типом женщин) свойственны крайний нарциссизм и эгоизм, который выражается в безразличии к людям в целом, у них нет национальных или патриотических чувств, общее презрение к нормальным социальным ценностям, законам, религии. Благодаря степным волчицам, мужчины продолжают ощущать себя хозяевами мира и венцами творенья.

О да, Степная Волчица способна увлечь мужчину своей псевдоинтеллектуальностью, псевдопониманием его духовных устремлений, но по большому счету ей, волчице, конечно, ни к чему никакие его человеческие достоинства – ни интеллект, ни высокий дух. Ни, тем более, философия или искусство с литературой – будь супруг хоть Фурье, хоть Кампанелла. Ради того чтобы удержать самца в своей норе, она готова разрушить его, идя на любые его прихоти (если только они не простираются за пределы норы), потакая его эгоизму, лени, алкоголизму, оправдывая его инфантильность и телесную распущенность. Все самое мерзкое, все его слабости, мужские и человеческие, могут быть оправданы ею ради одного его запаха. Впрочем, при видимом попустительстве мужчине не видать и такого жалкого счастья, поскольку делить кров, пищу и ложе ему все равно приходится с не женщиной, а с волчицей, которая при всем желании не способна дать ему ничего, кроме примитивнейших, грубых, чисто животных радостей. Как жить мужчине, зная, что у близкой женщины нет за душой никаких идеалов, что он дорог ей лишь своим запахом самца. Мужчина пытается строить дом, но этот дом неизбежно превращается в нору Степной Волчицы. Особенно ужасно для него то, что открывается лишь со временем – волчица-супруга напрочь лишена юмора, этого главного залога здорового человеческого общения, – тем более, между мужчиной и женщиной. Конечно, найдутся зоопсихологи, которые заявят, что юмор свойственен и животным, – оставим это на их совести. Может и так, только это все равно юмор животных. Вдобавок, такое абсолютно серьезное восприятие жизни, каким отличаются степные волчицы, полное отсутствие юмора – выхолащивает мужчину, убивает его творческую потенцию, оставляя мужчине лишь жалкую иллюзию богоподобности – а в действительности узость и ничтожество карманного идола. Даже самый захудалый, ледащий мужичонка, которому ничего, кроме водки и селедки не нужно, не захочет жить в норе – бок о бок с волчицей. Даже последнего дегенерата утратит ее животное отношение к жизни. Где женская утонченность, где мудрость? Все «искания» – часто такие возвышенные и поэтические с виду – на самом деле ведут в нору. В результате всё сводится к позе волка – на четвереньках. Всё сводится запаху. Все добрые чувства – фикция, маскировка оборотня. В том числе и ее хваленая способность к всепрощению – оно отнюдь не христианской природы. Даже не человеческой. Вообще, Степная Волчица бессознательно ниспровергает всё человеческое, во что еще недавно сама искренне хотела верить. Ее животная сущность – непроходимая пропасть, которая может лечь на пути нравственных и религиозных исканий мужчины, на его пути к Богу. В конечном счете, Степная Волчица лишает мужчину Ответственности – этого краеугольного камня христианского благочестия.

Наблюдая гипертрофированную верность и извращенную преданность своих подруг, мужчины оказываются дезориентированы и фатально разочаровываются в подлинных идеалах. Обманчивый образ верной подруги и спутницы жизни опасен как зараза! Ужасная иллюзия проникает червоточинной в наивные сердца мужчин, еще не нашедших идеала, робко, страстно мечтающих о «жене-декабристке». Увы, они не понимают извращенной сути легендарной преданности Степной Волчицы. Пребывание в норе Степной Волчицы провоцирует в мужчинах безумные идеи и навязчивые состояния – вроде изобретения новых религий и философий, кропанья «нобелевских» романов, – и в то же время выхолащивает душу, формирует неизлечимый комплекс неполноценности, который они вынуждены скрывать за маской высокомерного

мудреца или дурашливого шута. То есть более чем очевидные для постороннего наблюдателя классические признаки дегенерации и безумия. Кстати, не исключено, что все разновидности хлыстовства на Руси есть прямое следствие общения мужчин с женщинами степными волчицами. Да и дети в таких семьях, чувствуя себя ненужными, развращаются – долго терзают окрепшими зубами давно иссохшие материнские сосуды, но, как правило, выбирают скользкие дорожки и при первой возможности бегут от матери. Мужчины же, вырвавшиеся из норы волчицы, производят впечатление безнадежно слабоумных. Экзальтированные и перевозбужденные, они убеждены, что отныне их божественное предназначение ни много, ни мало – в спасении и просвещении всего человечества. Но вот трагическая закономерность – такие мужчины, думая, что бегут к новой подруге, как правило, попадают из одной норы в другую. И какое горькое, унижительное открытие предстоит нашей Степной Волчице – ведь ее супруг сбежал к такой же Волчице, как она сама, ничуть не лучше. Может быть, только более молодой и голодной.

Оглянитесь вокруг – как много жен обнаруживают схожие признаки! И только брошенные жены проявляют, открывают для себя свою двойственную сущность в полной мере. Разочаровавшиеся во всем человеческом, раздираемые изнутри волчьим инстинктом, они мечутся по жизни, словно звери, попавшие в засаду. Неужели для них нет никакого спасения? Неужели их судьба изначально запрограммирована на трагический исход?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.